

ВЕЧНЫЙ АНТРАКТ

ва. Очень красивого, большого роста человека с замечательными светлыми глазами...

Когда он появлялся на подмостках, казалось, что ты, сидящий в зале, не просто видишь, но каким-то образом ощущаешь еще и тончайшие движения его чувств, являешься свидетелем неповторимого творческого преобразования. А дома, на даче или за кулисами.— все те же, как у каждого, дела, тревоги и заботы...

Добронравов без конца играл в шахматы, сетовал на то, что нету новых ролей, что никак не соберутся поставить «Отелло»... Позже многие в театре узнали, что Добронравов в течение пяти лет работал над ролью венецианского мавра. В последние годы он даже приглашал партнеров, а раньше тайком репетировал в крайней уборной первого этажа запершись с каким-то старейшим театральным суфлером, в памяти которого хранились многие особенности исполнения этой роли знаменитых артистов трагиком.

Добронравову еще не было и 50 лет, когда выяснилось, что у него очень большое сердце.

Я почему-то уверен, что это не просто случайной привязавшаяся хвороба, а какое-то отражение его работы, его умения «сгорать» на сцене всякий раз, когда он появлялся перед зрителями. Может, я ошибаюсь, но это не так важно...

Через несколько лет болезнь усилилась, и врачи сказали Борису Георгиевичу, что ему лучше не выступать или уж, если он без этого, как говорит, «жить не может», играть очень редко, ну, раз-два в месяц... Понемногу! Тогда-то он и стал готовить для радио Бориса Годунова! Он очень волновался за эту работу.

Но она не могла заменить ему театра. И он продолжал играть, и не «понемногу», а царя Федора! Огромную, тяжелейшую роль, требующую от актера всех его душевных и физических сил.

Для настоящего актера нет старых или очередных спектаклей. Когда вечером открывается занавес, для него уже не имеет никакого значения, давно или недавно сочинен текст пьесы, свежи или потеряны декорации. Все отступает перед тем, что началось сегодня, сейчас, в это мгновение, которое никогда больше не повторится, хотя и спектакль, и слова, и мизансцена будут все те же и завтра, и через год.

Вот почему часто, постигнув высшие тайны мастерства, великие актеры прошлого останавливались на одной «своей» роли, исполнение которой в течение многих лет и для них, и для самой искушенной публики было дороже самых модных премьер.

ЭТО БЫЛО 27 октября 1949 года. Мы занимались в студии. Через огромное окно нашей аудитории видно было все репетиционное помещение МХАТа. В тот вечер в театре шел «Царь Федор».

Я не помню, как именно случилось, что тревога из театра перебралась к нам... Стало известно, что с Добронравовым плохо. Мы побежали в театр. Была пауза, маленький антракт между 6-й и 7-й картинами. В таких маленьких антрактах обычно люстры горят вполнакала и зрительный зал остается погруженным в сумрак. Так было и в тот вечер.

Шестая картина была одной из самых напряженных для актера и одной из самых потре-

сающих для зрителя. Вот последние слова, которые произнес Добронравов:

Если Я подожду, я их прощу,

я им нужна, пожалуй.

Я их прощу.— а им нужна наука!

Пусть посидят! Пусть ведают, что значит

Нас разлучать!..

Он произносил эти слова так, что и участники спектакля, сотни раз их слышавшим, становилось не по себе. А в зале, когда шел занавес, царил пробова тишина, и только несколько секунд спустя вспыхивали аплодисменты. Так и в этот раз были аплодисменты, а потом, когда они стихли, в зале еще долго царило какое-то особое сдержанное волнение.

Уже давно прошли положенные три минуты паузы и еще много времени, за которое можно бы поменять какие угодно декорации, а занавес все висел, не шевелясь, твердо упираясь в потухшую рампу. Обычно, когда случаются неполадки и картины подолгу задерживаются, зал «расколлаживается», начинает шуметь, торопится продолжение действия. Почему-то я тот вечер этого не случилось. Шло время, и чем дальше тем глуше и мрачнее становился зал, он как бы поблек, утратив свою обычную праздничность, торжественность, нарядность...

Теперь уже никто не сомневался, что случилось несчастье. Но ни один не подынял со своего места. Занавес дрогнул, и на авансцене появился дежурный режиссер спектакля. Он был очень строгий и спокойный. Он сказал, что ввиду болезни народного артиста Советского Союза Бориса Георгиевича Добронравова спектакль

продолжаться не может. Он ушел, а в зале продолжали сидеть, и ни один шорох не нарушал тяжелой щемящей тишины. Зрители еще долго были в театре, но Борис Добронравов был мертв. Он лежал в костюме царя Федора на полу сцены, совсем недалеко от двери, ведущей за кулисы, огромный и спокойный.

Живой он обычно так, лежа навзничь, отдыхал в антрактах...

В этот раз, сказав последние слова, он направился к выходу. Отворил тяжелую заглушенную войлоком дверь и кулис, прислонился к косяку ее и, не сказав ни слова, упал, неловко подпернув руку, украшенную тяжелыми царскими перстнями.

А дома на столе у Бориса Георгиевича лежал томик Шекспира. Страницы «Отелло» расчерчены подробными замечаниями артиста. Видно, Добронравов до последнего дня готовился, но к чему? Он прекрасно понимал, что вряд ли сможет даже отпетировать такую роль, как Отелло. Ведь и очередной привычного спектакля оказалось довольно, чтобы разорвать сердце.

Публика расходилась медленно, никто не торопился одеться. Вилетеры работали молча. Уже много времени спустя, когда сторож торопливо отворил ворота театра, чтобы выпустить машину «Скорой помощи», на которой увозили Добронравова, вдруг оказалось, что вполтную к воротам молча стоит огромная толпа. Машина шла медленно, очень медленно, и многие сжали шапки.

Так и не кончился тот антракт, он все еще длится. Он вечно будет напоминать великого артиста, до последней секунды отдавшего свою жизнь замечательно своему делу.

В тот вечер только один зритель пришел к администратору и попросил вернуть ему деньги за несостоявшееся представление...

Алексей БАТАЛОВ.

Консольное сцен. упр., Баталов, 1968, 14 стр.